

Оглавление

Предисловие автора к третьему изданию.....	11
Предисловие автора ко второму изданию.....	13

Часть 1

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОГНОЗЫ 1995—1996 ГОДОВ

Глава 1. Современная российская ментальность.

Психоисторический анализ.....	19
Введение.....	19
О двух исторических традициях.....	19
От монархии к пролетарской империи.....	20
О западных образцах.....	22
Российский декаданс.....	25
Пролетаризация.....	25
О национальных архетипах.....	26
О богоизбранности и Боге.....	28
Идеи славянского единства и возмездия.....	29
Под знаком Апокалипсиса (некоторые исторические аналогии).....	32
Народ-гонитель.....	33
Российская демократия.....	33
Исторические иллюзии.....	34
Идеи пространства.....	37
Стадии формирования современной российской ментальности.....	38
От заката до распада.....	40
О зеркальных феноменологиях.....	40
Новая русская диаспора.....	43
Новый и старый Запад.....	43
Холодный мир.....	44
Исходы (в диссидентство и в Москву).....	44
Период несбывшихся надежд.....	47
Что мы имеем (на 1995 г.).....	47
Российская провинция.....	50
Еще раз об интеллектуальной элите.....	50

Глава 2. Социально-психологические аспекты

гуманитарно-правовой стратегии России.....	52
Введение.....	52
Особенности современной социально-психологической ситуации.....	52

Специфика основных социально значимых групп населения.....	52
Номенклатурная буржуазия.....	53
Предприниматели новой волны.....	54
Романтики первой волны.....	55
Неактивная часть населения.....	55
Государственно-бюрократический аппарат.....	56
Мастера «социальной механики».....	57
«Новый» и «старый» средний класс.....	57
Интеллектуалы и интеллигенты.....	58
Неутешительные выводы.....	60
О государственности и рыночном менталитете.....	60
Внеэкономические иллюзии.....	61
Современное состояние массового сознания.....	62
Конституционализм и правовая культура.....	62

Глава 3. Типичный вариант индустриальных революций и инноваций в России. (Перечитывая Ключевского)..... 65

Агитировать или принуждать?.....	65
Варяги промышленности.....	66
Общественное признание сограждан.....	66
Как привлечь акционеров?.....	66
Обманутые ожидания.....	67
Традиция уводить капиталы.....	68
Промежуточный итог.....	68
Уроки внедрения капитализма.....	68
Капиталисты новой формации.....	69
Замкнутый круг?.....	69

Часть 2 РОССИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Глава 1. Что происходит с парламентаризмом и демократией? 73

Введение.....	73
Идея парламентаризма.....	73
Идеалы нового времени.....	74
Возможно ли всеобщее равенство?.....	74
Либеральная идея равенства.....	74
Новая мораль.....	75
Право на власть.....	75
Где кончается демократия?.....	76
Мера свободы и насилия.....	76
Побочные эффекты демократии.....	77
Что взамен?.....	77
Поиски новой идентичности.....	77
Дальнейшая демократизация = демоекстремизм.....	78
Адекватна ли демократия современности?.....	79

Глава 2. Глобализация — самый общий взгляд	80
Введение	80
Определение понятия	80
Причины	81
Следствия	81
Противоречия	82
Общие вопросы развития цивилизаций.....	83
«Новые» аспекты глобализации	84
Информационные аспекты	84
Гуманитарные аспекты	84
Эмоциональные аспекты.....	85
Психологические аспекты	85
Психиатрические аспекты.....	85
Социально-экономические аспекты	86
Лидер глобализации.....	86
Основа американского лидерства.....	88
Где Россия проигрывает больше всего?.....	90
Интеллигенция и власть	90
Глава 3. Бедность и богатство в современной России: анализ проблемы.....	91
Введение	91
Самое очевидное.....	91
«Исходя из чисто практических соображений...»	91
Об ирреальных гражданах	92
Массовый гражданин в стратегических планах	93
Нищенство интеллектуальной элиты	93
О мотивации к труду	93
Экономические ориентиры оплаты труда	94
Внутренний рынок и ВТО.....	94
Рост ВВП и наполнение бюджета	95
Фантастические идеи	95
Упущенные аспекты развития.....	96
О моральной бедности власти.....	97
Первоочередные задачи	97
О моральной позиции государства	98
Как объединить нацию?	99

Часть 3

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Глава 1. Социальная мифология, или О возможности построения новой идеологии с заданными параметрами	103
Власть и идеология	103
Эволюция власти	104
Официальная идеология и повседневность.....	106
Капиталистический менталитет	107

О западных образцах	109
Современные аспекты социальной мифологии	110
Основная функция идеологии	111
Структура идеологии	112
Обращенность в прошлое и в будущее	113
Три варианта подхода к созданию идеологий	114
В поисках научной идеологии	115
Роль социальных мифов	117
Дополнение к 3-му изданию	118
Глава 2. Социальная терапия, уровень и качество жизни в современной России	120
Социальная терапия	120
Основы формирования социальной общности	120
Объединяющие идеи и базисные потребности	122
Образ будущего	123
О социальном недовольстве	124
Качество жизни	125
Проблема социального неравенства	126
Экономические параметры социальной стабильности	127
Психологические препятствия роста производительности труда	127
Критерии качества жизни	128
Глава 3. Социальные процессы и терроризм в Европе	129
Неочевидный образ будущего	129
Введение	129
Исходная гипотеза	129
Немусульманский и немеждународный терроризм	130
Палестинизация Европы	130
Феномен «чегеваризма»	131
«Родовой миф»	131
Будущие примеры «развитых демократий»	132
Потребность в зле и насилии	133
Простреленные идеалы	134
Главные инвесторы терроризма	134
Неочевидная легитимность современной модели европейских государств	135
Священная корова	136
Ключевой вопрос	136
Кого мы пиарим?	137
Какую войну мы ведем?	138
Умирать — за что?	138
Распад государств как прогресс	139
Грозят ли межнациональные проблемы объединенной Европе?	139
Куда ведет депопуляция Европы?	140
Терроризм — это следствие чего?	141

О чем стоит подумать?	141
Психопатология нашего героического прошлого	142
Как мы стимулируем террористическое поведение?	143
Внеэкономические факторы размежевания	143
Идеи превосходства	144
Экономический базис терроризма и антитеррора	144
Сколько стоит терроризм?	145
Приложение к главе 3. Социальный и религиозный терроризм: общее и основные различия	147
Общее заключение: история и ментальность народа	153
Список использованной литературы.....	157
А. И. Юрьев. Послесловие рецензента	160
Приложение 1. Методические подходы к психологическому анализу актуальных межнациональных конфликтов и идей антиурусизма	172
<i>Литература</i>	<i>180</i>
Приложение 2. Современная ситуация в России и в мире: психологические аспекты	181
Введение: главные проблемы современности	181
1. Борьба США за геополитическое доминирование.....	181
2. Противодействие РФ созданию монополярного мира	183
3. Общемировой кризис идей и институтов демократии	186
4. Идея справедливости.....	191
5. Количественный рост террористических настроений и качественная трансформация террористических организаций	194
Введение.....	202
Актуальна ли проблема?	202
Возможна ли окончательная победа?.....	203

Часть 1 **ПАРАДОКСЫ И МЕХАНИЗМЫ КОРРУПЦИИ.** **ПСИХОИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Парадоксы коррупции.....	207
Доисторические истоки коррупции	209
Любовь как экономическая категория	211
Всевластие закона	213
Принцип соревновательности	215
Кое-что неприятное о человеческой природе	217
Недовольство культурой	219
Отбор достойных.....	221
Терапевтические аспекты	223

Часть 2

КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ИСТОРИЮ И ЕЕ СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЕКЦИИ

Исторический опыт	227
Эпоха «революционных свершений».....	239
Что способствует коррупции и как ее можно было бы ограничить? ...	245

Часть 3

МЕТОДЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Международные данные и их проекции в российскую действительность	253
Российский архетип	258
Еще раз о правовом статусе коррупции.....	260
Мораль по пунктам	263
Соревнование в честности	265
Жертвы долга.....	267
Принуждение к нравственному поведению.....	269
Наднациональная бюрократия.....	271
Столкновение интересов.....	273
Позитивный опыт.....	276
Заключение.....	278
Библиография.....	280
Официальные источники	280
Список литературы	280
Духовные лидеры новой эпохи	284
Печальный итог попытки самообразования	284
Когда это началось?	284
Идеологический вакуум?	284
Никем не замеченное событие.....	285
Что мы имеем в итоге?	286
Литература	287

Предисловие автора к третьему изданию

Первое издание этой книги (1995) было заказано издательством Администрации Президента РФ после парламентского кризиса 1993 г. Поставленная перед автором задача была сформулирована предельно просто и одновременно глобально — попытаться, не прибегая к специальной терминологии, предоставить новой политической элите самую общую информацию о специфике национальной психологии русского народа. Не уверен, что мне удалось сколько-нибудь убедительно реализовать эти взаимоисключающие задачи, но издание разошлось быстро. А уже через год книга была переиздана (1996)¹.

Несмотря на неожиданный успех, эта в срочном порядке подготовленная работа не принесла мне особого удовлетворения. Первая глава, посвященная российской ментальности, и сейчас представляется мне слишком примитивной. Тем не менее, она по-прежнему рекомендуется моими коллегами для изучения студентами и аспирантами — философами, психологами и политологами, вероятно, за неимением чего-то более основательного и одновременно понятного.

Добавлю, что никогда не считал себя политологом или даже специалистом в области политической психологии, и в силу своего образования и профессии оценивал все происходящее с позиций социального терапевта. Думаю, что именно такой подход, отстраненный от политических предпочтений и парадигм и базирующийся на анализе мироощущения индивидов конкретной эпохи, явился причиной того, что эти аналитические материалы на каком-то этапе оказались высоко востребованными, и есть предчувствие, что эта востребованность возвращается.

В последующем мне неоднократно предлагалось переписать эту работу с учетом социально-экономических перемен в российском обществе. Такие попытки предпринимались мною несколько раз, но ничего не получалось. И только совсем недавно пришло осознание, что эти попытки и не могли увенчаться успехом, так как изменилось многое, и в то же время, с психологической точки зрения динамика развития была не столь очевидна. Развивалась экономика и социальная сфера, но психологические проблемы, стоявшие перед обществом, научной и политической элитой в начале 1990-х, сохранились практически в их исходном варианте. И на это были особые причина, так как не-

¹ 1-е издание — см.: Современная российская ментальность (Психоисторический анализ). — М.: Российские вести, 1995. — 192 с.; 2-е издание — 1996.

которые психологические феномены, характерные для российского этноса на протяжении столетий, и не могли измениться за такой краткий (по историческим меркам) период; а ряд других, связанных с морально-психологическими аспектами, оказались как бы отложенными, временно растворившись в эмоциональном восторге от неожиданной свободы и столь же мощной эмоциональной горечи от утраты ценностей и идеалов, которые, несмотря на их иллюзорность, составляли основу консолидации нескольких поколений российского общества.

Когда готовилось первое издание книги (1994), эта амбивалентная позиция присутствовала и у автора, который, безусловно, не мог быть сторонним наблюдателем. Тем не менее, многие прогнозы, основанные на аналитическом подходе и психологическом знании, в ряде случаев оказались верными. Однако и ошибочные прогнозы представляют самостоятельный интерес, поэтому было принято решение в первой части книги представить читателю текст, опубликованный в начале 1990-х, не изменяя в нем ни одной фразы, лишь дополнив его некоторыми ссылками на последующие события.

Вторая и третья части содержат статьи, в которых развивались и критически пересматривались те же идеи, но уже на другом уровне обобщения, в другой экономической и социально-психологической ситуации. Так как эти статьи публиковались в разных сборниках и в разное время, в них имеются неизбежные повторы, но и они — не случайны. То, что написанное почти 20 лет назад, несмотря на ряд позитивных признаков развития, остается столь же актуальным, заставляет задуматься. Хочется надеяться, что не только специалистов.

Санкт-Петербург 1 октября 2013 года

Предисловие автора ко второму изданию

Вопреки широко распространенному мнению, ментальность является категорией психического лишь по месту своего существования — коллективного сознания и бессознательного народа. По сути же, это прежде всего преимущественный способ деятельности огромных масс людей и принадлежащих к ним отдельных индивидуумов на всех уровнях: от обыденного до государственного, от физиологически обусловленных примитивных актов — до высшего уровня интеллектуальных решений, от инстинктивных потребностей — до высоких духовных порывов. В конечном итоге, как мы думаем, так мы и живем, особенно если не берем на себя труд хотя бы попытаться осмыслить связь между первым и вторым.

Ментальность формируется веками и тысячелетиями, отражаясь в типичных мифах, устойчивых стереотипах индивидуального и массового поведения, вариантах постановки, а также в способах разрешения личных и общественных проблем, типичных ожиданиях и надеждах, корни которых чаще всего скрыты в архаической памяти народа.

Любые исторические реформы возможны лишь тогда, когда сформировался их психический базис, когда медленно накапливающиеся и потому неочевидные перемены в общественном сознании становятся самостоятельным фактором социально-экономического развития. А до тех пор, пока действует прежняя ментальность, можно сколько угодно спорить о предпочтительных вариантах западных или даже восточных моделей и тратить огромные средства на их реализацию. Эта реализация в любом случае будет осуществляться в рамках существующей ментальности, неподвластной в срочном порядке принимаемым законам и даже указам прямого действия. У нее есть собственная динамика, мало сопоставимая с жизнью одного поколения.

Этому процессу можно способствовать или препятствовать, его можно замедлить или ускорить, но лишь весьма незначительно: влияние отдельной личности (и даже массовых партий или движений) здесь не более значимо, чем попытки ускорить желанное наступление тепла, настойчиво предпринимаемые где-нибудь в декабре. Они, безусловно, увенчаются успехом, но — в нашей климатической зоне — не ранее марта. Возможно, неосознанно чувствуя это, часть наших сограждан уже покинула «климатическую территорию» российской ментальности и подалась в страны с более мягким климатом. Но общение со многими из них, в том числе с теми, кто, не являясь этническими русскими,

принадлежит к культурной общности русских, показывает, что они там не очень-то прижились и, скорее всего, не приживутся (разве что в последующих поколениях). Материальное благополучие не оказалось эквивалентом счастья. И все наши попытки стать счастливыми на платформе экономизма скорее всего ждет та же участь. В отличие от американской, русская мечта — нематериальна: правда, воля и справедливость.

Мы нередко все еще слишком примитивно воспринимаем понятие «народ» и слишком мало внимания уделяем проблеме его самосознания и естественной потребности в национальной идентификации. Можно собрать в одном месте тысячи или даже миллионы людей. Но ни территория, ни границы, при любых сопутствующих условиях, будь то материальное изобилие или беспросветная нищета, тоталитаризм или полная анархия, не делают массу людей народом. Только единство ментальности — хорошей ли или плохой (в последнем случае — всегда с внешней по отношению к конкретному народу точки зрения) — создают народное единство.

Существует такое малоизученное понятие как безусловное основание социальной интеграции, когда уже неважны политические, материальные, сословные и классовые различия людей. Это прежде всего не столько единство истории, сколько единство исторической (а если точнее — архаико-мифологической) памяти народа и связанные с ней национальные (нередко — существующие лишь на бессознательном уровне) приоритеты. Эти приоритеты всегда нематериальны и мало отражаются в тяготеющей к событийности истории. Конечно же, у любого народа можно найти несколько тысяч или даже десятков тысяч людей, готовых легко поступиться национальной идентичностью за большой кусок «хлеба с маслом», но если говорить о любом народе в целом, то никакие несметные сокровища не будут даже рассматриваться в качестве равноценной замены этой, казалось бы, эфемерной сущности.

Народ — это, с одной стороны, итог уже сформировавшейся ментальности, а с другой — непосредственная манифестация ее развития во времени. Народ сплачивается всегда во имя достижения какой-то цели, недоступной каждому из его членов по отдельности.

И в ряду этих целей одной из основных (по мало известным пока законам функционирования ментальности) является осознание и поддержание своей национальной идентичности. Если нет этого «клея», соединяющего народ изнутри, то тогда остается только пагубный и обычно небесконечный путь поисков «внешнего врага». Небесконечный, но иногда чрезвычайно длинный, как показывает, например, советская история или история еврейского народа, среди основных национальных и государствообразующих ценностей которого в числе первых даже иудейские философы называют антисемитизм. Феноменология антирусизма пока слишком молода, чтобы обсуждать ее попу-

лярно, но и не замечать ее отдельных проявлений было бы ошибкой, тем более что пока ей ничего не противопоставлено.

Первое издание некоторых разделов этой работы, вышедшее весьма ограниченным тиражом, вызвало неожиданный и, безусловно, приятный автору интерес у массового читателя. Я долго откладывал решение о ее переиздании, так как считал необходимым переработать и расширить ряд разделов, а также переосмыслить то, что произошло уже после выхода первого издания в свет — в процессе выборов в Государственную Думу России, а также в результате переизбрания Президента России. Но никак не мог приступить к этому, пока не понял, что сейчас это просто невозможно, так как изменилось очень многое, и в то же время — ничего не изменилось.

Думаю, что подобные работы со временем появятся как в области российской, так и украинской, белорусской и других ментальностей, что позволит в перспективе нам лучше понимать друг друга, видеть то, что объединяет нас, или, наоборот, создает, казалось бы, непреодолимые препятствия для объединения. Национальная и культурная спецификация, даже несмотря на все шире распространяющиеся приоритеты общечеловеческих ценностей, остаются неотъемлемыми условиями эволюции и цивилизации, без которых ни один народ не может не осознать, ни утвердить свое существование.

Внимательный читатель легко заметит некоторые противоречия в основном тексте, что естественно, так как в ряде случаев автор polemизирует сам с собой и совершенно не претендует на владение абсолютной истиной. Фактически, все поднимаемые вопросы подлежат обсуждению.

Санкт-Петербург 17 октября 1996 года

XXIV Национальный конкурс "Золотая Психея" по итогам 2022 года.
Материалы к проекту «Избранные труды в 7 томах» (научное печатное издание)
<https://psy.su/psyche/projects/2865/>

Часть 1
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОГНОЗЫ
1995—1996 ГОДОВ

XXIV Национальный конкурс "Золотая Психея" по итогам 2022 года.
Материалы к проекту «Избранные труды в 7 томах» (научное печатное издание)
<https://psy.su/psyche/projects/2865/>

Глава 1

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ¹

ПСИХОИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Введение

Особенности современного массового сознания населения России непосредственно связаны с судьбой государства, вначале как новой, а затем как — все более — бывшей империи. Не проводя подробного анализа истории российского государства, следует отметить, что оно пережило в своем развитии несколько периодов подъема и спада, как с точки зрения социально-экономических проблем, так и культурно-эстетических ценностей. С учетом поставленной задачи, нужно отметить, что, если история досоветского периода российского государства достаточно хорошо известна и подробно описана, то многие вопросы пред- и постреволюционной эпохи еще не получили критического осмысления.

Безусловно, любая схема или объяснительная система — всегда условна. Проведенный анализ также не претендует на полноту и завершенность, а лишь намечает основные направления психоисторического подхода к проблеме, где объективные и субъективные, в том числе — эмоциональные аспекты массовых процессов рассматриваются и оцениваются с равной значимостью.

О двух исторических традициях

Оглядываясь назад, можно с некоторой оговоркой констатировать, что на протяжении всей истории российского государства в его политике постоянно преобладали две ведущих тенденции или традиции, заложенные, постоянно возрождающиеся и искусственно культивируемые в массовом сознании россиян.

Первая традиция — «русской исторической гордыни» — берет свое начало еще с эпохи первых попыток сотворения «Третьего Рима» (или — «Новой Византии»). Уместно напомнить, что формирование современной (вернее — существующей до настоящего времени) модели

¹ При участии доктора философских наук, проф. Л. И. Кирсановой, кандидата философских наук, доцента А. А. Анискина и политолога В. Ю. Васильева, которым автор выражает искреннюю благодарность за ряд ценных идей, дополнений и критических замечаний.

Российского государства и перенос в Москву центра православия (1448) по времени совпадает с периодом крайнего ослабления и окончательного распада (1453) Византийской империи в течение нескольких веков олицетворявшей собой культурное, научное, технико-экономическое и военное лидерство практически во всех областях. В Евро-Азиатском «театре» освобождается вакантное место ведущего актера и режиссера, на которое, фактически, нет потенциальных претендентов, кроме России. Можно предполагать, что именно неудача этой многовековой попытки (прежде всего — в культурно-историческом значении, т.е. в смысле высшего типа, а именно — духовного лидерства) явилась основой создания (имеющего компенсаторную природу¹) мифа об особой «русской душе», на основе которого в последующем возникли такие понятия как «Святая Русь», «непоколебимый русский дух», а позднее — «непобедимая русская армия», «...флот», затем искусно трансформированные в «советский» (характер, народ, ученый, рабочий, тип личности и т.д.).

От монархии к пролетарской империи

Вторая традиция — «исторической российской экспансии», фактически, связана с первой и обусловлена принятием на себя, а затем целенаправленным культивированием особой (в некотором роде — «мессианской») роли России по отношению к сопредельным народам и государствам (а в «советский» период — ко всем народам мира). При этом — с незапамятных времен и до последнего времени — здесь безраздельно господствовала «русская (наднациональная) идея», подразумевавшая безусловный приоритет русской культуры над остальными этносами империи (при равенстве всех верноподданных, а позднее — всех советских, независимо от национальности и вероисповедания) и реализовавшаяся преимущественно в форме «ненасильственной ползучей русификации» (со времен покорения Сибири и до наших дней). В отличие от этого, «русский национализм» («Россия — только для русских») — это качественно иное понятие, получившее кратковременное распространение в начале XX в. и периодически (нарастая, в связи с унижением национального самосознания основного этноса) проявляющееся сейчас.

Нужно сразу отметить, что в вопросе русификации (в последние годы подвергающейся — исторически мало обоснованным — нападкам) Россия действовала в большинстве случаев гораздо более деликатно нежели другие государства. Например, в конце XVIII в. — до этого — в многонациональной Франции специальным постановлением Конвента было официально (под угрозой наказания) запрещено препо-

¹ Компенсация — психологическая или социально-психологическая феноменология, развивающаяся как результат обычно неосознаваемых попыток возмещения того или иного реального или мнимого недостатка. Является одним из механизмов психологической защиты от не принимаемой или неприемлемой реальности и служит средством преодоления комплекса неполноценности.

давать и говорить на других языках, кроме французского, а *введение в курс начальной школы преподавания единого варианта истории Франции ставило совершенно конкретную цель — формирование единой исторической памяти народа*¹.

Возвращаясь к российским историческим традициям, нужно также отметить, что всегда существовала и продолжает существовать, хотя и менее существенная, нежели первые две, третья традиция — имеющая персонифицированную значимость, а именно: ориентация на первое лицо государства, относительно независимо от его официального наименования, провозглашаемых им исторических ориентиров или декларируемых нравственных идеалов и ценностей (например, царь — Николай, премьер-министр — Ленин, генеральный секретарь — Сталин или президент — Горбачев — каждый в какой-то исторический период был не только выразителем идеалов, но и кумиром всей нации).

Объединение этих двух идей (с определенной катализацией со стороны третьей) формировало специфическую ментальность россиян: если Русь — святая (по определению), то, следовательно, (с точки зрения примитивного массового сознания) почти каждый русский несет в себе отблеск этой святости (даже если несет его «огнем и мечом», как было при исторических прорывах России к северным и южным морям). Поэтому не только последняя — Отечественная, а практически все наши войны на протяжении нескольких столетий были «священными» и являлись славянско-православным вариантом давно ушедших в прошлое крестовых походов. Для реализации этой идеи Россия должна была быть чрезвычайно сильна как в экономическом, так и — даже более важно — в военном отношении, что далеко не одно и то же (например, Швейцария с ее мощной экономикой и микроармией). Второе положение устойчиво реализовалось на протяжении всех последних столетий (что очень существенно: на фоне неудач культурной экспансии, особенно — на Запад), и наиболее полного выражения достигло в эпоху сталинизма. Россия никогда до этого не была так сильна и не вызывала такого прилива национальной гордости, так же как и столь же сильной (но, безусловно, приятной для национального самосознания россиян) тревоги у «соседей» (это одна из ведущих причин того, что ностальгия по сталинизму так сильна).

В тех условиях идентификация с сильной Россией и основным этносом (первое лицо которого к нему не принадлежало) была исторически

¹ Эта чрезвычайно важная для формирования самосознания любого народа идея, сформулированная и представленная нами в Администрацию Президента РФ еще в 1994, в период бездумных «демократических» преобразований была похоронена одной из первых. В результате на протяжении двадцатилетнего периода (вследствие ложно интерпретированного принципа исторического плюрализма мнений) в стране было издано несколько десятков учебников с самым широким диапазоном оценок — от бездарного восхваления до беззастенчивого обесценивания истории России, ее исторических героев и лидеров, ее исторических побед и достижений. Лишь 19 лет спустя Президентом РФ была поставлена задача создания единого учебника истории страны.

и индивидуально чрезвычайно соблазнительной, и в силу этого легко принималась, особенно малыми народами, безусловно, не чуждыми идей национального превосходства. К сожалению для всех нас, в течение предшествующего исторического периода создание единого этнического пространства, не как национальной, а как культурно-исторической феноменологии, как залог будущей стабильности, не увенчалось успехом, и лишь сейчас (под влиянием внешней и внутренней, и что наиболее существенно — личной угрозы) начинает формироваться действительно новая историческая общность людей, пока обозначаемая неблагозвучным термином «русскоязычные». Забегая немного вперед, можно высказать предположение, что *нынешнее полиэтническое пространство составляет один из основных и трудно преодолимых барьеров на пути к демократическому обществу.*

С учетом предмета нашего исследования, следует особо подчеркнуть, что *все, работавшие на идею национального* (в предшествующий исторический период — силового или военного) *превосходства, всегда имели особый статус в государстве* (военные, оружейники, а позднее — ракетчики, конструкторы и т.д.). Еще более существенно, что *такой же особый статус в государстве всегда имели идеологи*: религиозные и — затем — партийные, при этом, в случаях, когда идеологи являлись не только эмоциональными ораторами (трибунами-«трансляторами»), но и творцами («продуцентами») новых идей, они в буквальном смысле обожествлялись.

Какими бы религиозно окрашенными или пропагандистскими методами не осуществлялось внедрение этих идей, как в до-, так и постреволюционную эпоху, массовое сознание населения было и в значительной степени остается под их влиянием. В целом, преимущество идеологии великодержавности, несмотря на смену лозунгов и кумиров, прослеживается вплоть до конца восьмидесятых годов (от особой гордости русских-православных до особой гордости русских-советских и «нового мышления» для всего мира). Таким образом, если исходить (безусловно, несколько упрощая, как и при любой схеме) из российского опыта XX в., не православие, к которому уже столько раз пытались прибегнуть в последние годы, составляет суть национального единства, а именно идея российской национальной гордыни (во всей ее специфике, о которой еще будет сказано ниже).

О западных образцах

В обозримом историческом прошлом, увлечение «западными образцами» (пожалуй, за исключением Византийско-Константинопольско-Стамбульского, который очень условно можно отнести к западным) никогда не было для России длительным, а периоды временного восхищения или даже преклонения перед ними (преимущественно — интеллигенции) всегда закономерно сменялись возвращением к своим «истокам» и признанием малой применимости западного (прежде

всего — социального) опыта (пусть и превосходного, но неприемлемого для России).

Естественное и болезненное расщепление безраздельно господствовавшей в период средневековья системы «власть—идеология», которое уже давно произошло на Западе, в России лишь начинается. В современном западном мире, в так называемых цивилизованных государствах, власть уже давно ушла «в тень», заняв свою собственную нишу, по отношению к которой идеология и финансы являются хотя и чрезвычайно значимыми, но внешними факторами. В России же по-прежнему от власти ждут и первого, и второго, и третьего. Но власть, лишившись идеологии, уже не способна к деятельности в системе феодальной модели и, одновременно, еще не созрела для перехода к западным образцам.

В историческом аспекте власть всегда начиналась с силы и удерживалась по формуле: «кто кого»; затем появилась ее вторая составляющая — право, базирующаяся как на прямом наследовании, так и на преемственности власти, что обеспечивало и ее собственную, и общественную стабильность. В России преемственность власти и право на власть в течение последнего столетия многократно нарушались. Нынешняя демократия не составляет исключения: она возникла на пустом месте и не является преемницей ни «белой», ни «красной» гвардии, ни даже — диссидентствующей интеллигенции, хотя в некотором смысле органически связана с последней.

Современная власть в цивилизованных странах уже давно базируется не столько на силе, сколько на морально выверенном и интроцированном¹ христианском (и скорее — протестантском) праве, а в последние десятилетия — даже более — на знании. *Институт квалифицированных экспертов-государственников составляет неотъемлемую часть государственного управления в любой стране, у нас же — его придаток.* И это, конечно, далеко не единственное отличие. В чем-то мы гораздо ближе к Востоку, хотя категорически избегаем даже попыток такого критического сравнения.

В целом, Россия никогда не была ни Западом, ни Востоком, а составляла особый «остров» человеческой цивилизации (иногда характеризуемый как «буферная зона» между непримиримыми Востоком и Западом). Одновременно Россия никогда не принадлежала ни к скандинавскому «Северу», ни к мусульманскому «Югу». Это особое географическое и культурно-историческое положение являлось и является традиционным для России на протяжении многих столетий (почти всего второго тысячелетия) и характеризуется двумя разнонаправ-

¹ Интроекция — полное, безоговорочное и некритичное включение индивидом в свой внутренний мир системы взглядов, мотивов и преобладающих в обществе установок, когда он уже практически не различает собственных и навязанных ему обществом представлений. Реализуется как путем длительного убеждения, так и принуждения. В этом смысле современная западная мораль сформировалась не без неопределимой помощи инквизиции, так же как и еще недавно существовавшая советская, отнюдь не худшего качества, мораль — не без неусыпного ока КГБ.

ленными процессами: с одной стороны, ориентацией на достаточно избирательную ассимиляцию как западной, так и восточной культуры (с последующей «трансляцией» ассимилятивно трансформированных форм преимущественно на Восток); а, с другой, достаточно жесткой ориентацией на сохранение российской самобытности, не «опускаясь» до сближения или каких-либо форм «широкомасштабной» интеграции ни с Западом, ни с Востоком. Последняя «традиция», вероятно, имеет архетипическую природу и ее разрушение (по влиянию на национальное самосознание) может быть даже более существенным, нежели все иные поражения в экономической или культурной сферах, и возможно только в результате насильственного (и — по историческим стандартам — длительного) воздействия.

Поэтому отдаленные результаты (в известной степени — насильственного) «присоединения» России к ценностям и социокультурным стандартам Запада (при этом, в постперестроечный период — скорее «американизации», чем «европеизации») достаточно неопределенны и трудно предсказуемы, особенно, если учитывать, что это «присоединение» осуществляется на фоне самого затяжного социально-политического кризиса, длящегося уже почти целое столетие.

Здесь возможны самые различные исходы: от простого отвергания, как это уже случалось не раз (например, с попытками государственного устройства по французским, немецким или английским образцам), до полного извращения идей, как это было с привнесенными в Россию идеями социал-демократии, трансформировавшимися в большевизм. Не исключено, что точно такая же участь ожидает российскую демократию.

Мы должны признать, что пока вообще не знаем ни что такое «капитализм», ни что есть «демократия». Наши, характерные для массового сознания, представления преимущественно идут от противного: «все, что не социализм — это капитализм», «все, что не тоталитаризм — это демократия». Естественно, что это заблуждение. В отличие от нынешних подходов, большевизм в ряде случаев оказывался более гибким и, отрицая на словах, на самом деле в новой идеологической оболочке сохранял и воспроизводил традиционный российский уклад. В частности, родной общинный уклад, когда любые, включая глубоко личные и семейные проблемы, выносились на сход, перекочевал не только в производственные коллективы и коммуналки, но и в высшие эшелоны власти, трансформировавшись в пионерские, комсомольские, партийные и профсоюзные собрания, где вообще не было запретных тем. Нынешний одномоментный отказ от традиционной российской общинности позитивно принимается лишь незначительной частью общества. Для остальных — это невосполнимая утрата, несущая огромный заряд тревожности (типичное выражение массового, безусловно заслуживающего уважения, обывателя: «Раньше мы все обсуждали, а сейчас я вообще не знаю, что происходит»). И даже для тех, кто принял эту западную модель «частной жизни», она остается чуждой, и это также *наша характерная черта: даже принимая западные ценности, мы про-*

должаем жить по российским стандартам. Чисто внешнее (в отличие от азиатского) сходство западного уклада жизни с российским, и нас самих с европейцами — очень обманчиво. Дистанция, несколько упрощая, между православием, протестанством и католицизмом столь же велика, как между православием и исламом.

Российский декаданс

Истоки русского «декаданса», появившегося вначале как явление культуры на рубеже XX в., как представляется, следует искать в событиях, имевших место задолго до октябрьского переворота 1917 г. Однако это потребовало бы слишком объемного исследования, поэтому мы считаем целесообразным затронуть лишь ближайший исторический период.

Неожиданное и страшное поражение России в русско-японской войне (при уже упомянутых традиционных для России установках) явилось причиной катастрофического упадка общественного настроения россиян: мощный российский флот и армия, до этого известные преимущественно своими сокрушительными победами на европейском театре военных действий (Отечественная война 1812 г., Русско-турецкая и т.д.) неожиданно потерпели сокрушительное поражение от японцев («басурманов»), о существовании которых в России (да и Европе) в тот период времени знали не так уж много (кимоно, «китайские» фонарики и т.п.). Это поражение имело не только российское, но и мировое значение. Во-первых, был нанесен сокрушительный удар по идее «Святой, самим Богом хранимой и непобедимой Руси». Во-вторых, это было первое (по историческим меркам) поражение «европейцев» в войне с «не-европейцами» (или, во всяком случае — это поражение было так воспринято, так как Россия частью Европы являлась и является, как уже отмечалось, лишь относительно, конвенционально, условно, скорее, — географически, чем культурно-исторически).

Военное поражение, как самое значительное свидетельство начала периода социально-экономического упадка России, дополненное ужесточением монархии («кровавое воскресенье» и т.д.) и последующей хаотической активизацией иррациональной силы плебса, завершилось временным (по европейскому — а, следовательно, нероссийскому образцу) «ограничением» монархии и (временным же) утверждением гражданских демократических (также нетрадиционных для России) свобод. Все это резко меняло структуру, стратификацию и весь уклад жизни населения, одновременно (закономерно) изменяя и невротизируя массовое сознание (как и любые другие резкие перемены). *Государство составляет одну из важнейших родительских структур для любого человека, и любые перемены в родительской морали или родительских требованиях — это всегда шок.*

Пролетаризация

Нарушение преемственности и — даже более катастрофическое явление — пролетаризация государственного управления и власти,

лишение последних надежд на военное (а, следовательно, в российском варианте — и национальное) превосходство, и возврат (уже в 1918 г.) к гораздо более жесткой модели власти (чем при «неограниченной монархии») вызвали еще более значительную невротизацию населения, адаптивно сменившуюся глубокой «органической» тревогой с закономерным «уходом в себя», ориентацией на истинные и, гораздо больше — ложные духовные ценности с характерной мифологизацией социальной действительности (мифологизация — как способ психологической защиты от неприемлемой реальности).

Метафизика декаданса начала XX в. в поэзии, художественном и даже научном творчестве отразила общие тенденции смены умонастроений никогда не бывшего в России значительным и все более истончающегося культурного «слоя», и свидетельствовала о глубочайшем кризисе, развитие которого осуществлялось в чрезвычайно специфических условиях: пролетаризация власти закономерно сменялась пролетаризацией всей культуры, науки, морали и всей общественной жизни, которая в последние годы XIX в., особенно в силу петербургского (тогда еще столичного) интеллигентского влияния, все более тяготела к европейским культурным ценностям (их не следует путать с корнями) — стабильности, рациональности и космополитизму. Одновременно во всей силе проявились и традиционно российские тенденции уже начавшегося кризисного развития: подверженность идеям катастрофизма, иррационализма и апокалиптическим настроениям. Психическими эквивалентами упадка, захватившего все сферы традиционной российской и, особенно, городской реальности (военную, экономическую и культурную), явились (также достаточно традиционные для российского менталитета периодов кризисного развития): пессимизм, азартная порочность, пьяное воодушевление и вера в приход мессии, который решит все проблемы.

О национальных архетипах

Как известно, национальные архетипы достаточно ярко проявляются в сказках: о хитром Гансе — у немцев, о мудром Ходже — в Азии, о благородном рыцаре — в Англии и т.д. В российской мифологии традиционными являются два основных героя: Иван-дурак и Богатырь. При этом, что очень существенно, к «местности» (к месту действия, т.е. — к России) всегда «привязан» Иван-дурак, а Богатырь появляется всегда откуда-то извне или вводится в сюжет как следствие чудесного превращения Ивана-дурака, но, опять же, не в результате его личных усилий, а как следствие вмешательства «третьих» (волшебных, таинственных) сил (Конька-Горбунка, доброго колдуна и т.п.). Эта уверенность, что Бог (как «национальный герой» № 1) не оставит Россию (вера в некое чудесное превращение или магический выход из той или иной ситуации), пронизывает все содержание российской ментальности на протяжении пяти последних столетий и активно используется (в том числе — в манипулятивных целях) в современной политиче-

ской и коммерческой рекламе (отсюда, отчасти, и имидж, безусловно, харизматического лидера Бориса Ельцина, в одно ухо Конька-Горбунка влезшего членом Политбюро, а из другого появившегося демократом-спасителем России; и новый, неожиданно-негаданно павший, «Конек-Горбунок» — «МММ»; и «скатерть-самобранка» — «Дока-хлеб» и т.п.).

Внутренний конфликт желаемого и возможного — типично российское явление, корни которого, по образному выражению Николая Бердяева, связаны с несоединенностью мужественного и женского начала в русском характере. Русская история и типично российская архетипия (включая уже упоминавшиеся сказки как непосредственное отражение последней) — это всегда отчасти история невесты, томящейся в ожидании жениха, который может понравиться или не очень, но всегда должен появиться откуда-то извне, или — вначале уйти за «тридевять земель», отвергнутым и опороченным, а затем вернуться желанным (типичный пример — Борис Ельцин, отчасти — Александр Солженицын и т.д.). Именно в этом состоит и отсюда идет наше специфическое отношение к историческим и вообще любым «варягам», начиная от первых российских князей, вплоть до нынешних «счастливых случаев» и «романтических путешествий», путем выхода замуж за любого, даже захудалого, немца, шведа или американца (отсюда же особое почтение ко всяческому СП, где россиянин, не покидая Родину, фактически оказывается на положении иностранного низкооплачиваемого рабочего).

Эта женственность, свойственная обоим полам россиян, всегда хотела свободы, но не «для», а «от», в том числе — не свободного государства, а свободы от государства; и если попытаться, вновь — несколько упрощая, обобщить: не какой-то новой формы общественного устройства, а свободы от всякой формы.

Другой российской архетипией, которую отмечали еще Лосский и Бердяев, является стремление к абсолюту, и только к абсолюту, пренебрегая реальностью, условностью и усредненностью; при этом, в отличие от западного типа мышления, никак не соизмеряя свое стремление с обыденностью бытия. Это всегда бросало Россию из одной крайности в другую, которые, конечно, могут существовать в природе, но, как и любые крайности, никогда в массовом варианте.

Характерно, что идеи абсолюта оставались и остаются довлеющими, не взирая ни на какие «нюансы» реальной действительности: мы хотели абсолютной свободы, а жили в рабстве, мы желали абсолютной правды, а все более погружались в ложь, мы мечтали об абсолютной любви и дружбе, а жили в тайной ненависти, которая взорвалась Прибалтикой, Карабахом и Чечней, как только исчез страх¹.

¹ Несколько увлекшись паранаучными идеями о природной моральности человека, мы чрезмерно идеализировали свою сущность, совершенно не принимая и не учитывая того, что совесть — это социальная категория, первично формирующаяся вначале на основе родительских запретов (когда вместе с первыми словами мы усваиваем такие отвлеченные понятия как «некрасиво», «некультурно», «стыдно») и страха осуждения социумом (вспомним еще раз государство, как родительскую структуру). Таким

Именно это стремление к абсолютизации, при этом — не столько действительности, сколько (почти всегда — иллюзорных) идей и глобальных социальных утопий, приводило и приводит нас к перманентным историческим «соскальзываниям»: успешно адаптировавшаяся к национальным укладам (немецкому, французскому, шведскому и т.д.) усредненная западная социал-демократия реализуется у нас в некоей абсолютной, доведенной до абсурда форме и трансформируется в большевизм; *современная западная демократия сейчас также принимает некую извращенную форму, и то, во что она трансформируется, пока вообще трудно определить*. Но уже сейчас ясно, что общего с западной демократией у нас будет не так уж много. И даже если — что очень гипотетично — грянет фашизм, которым нас усиленно пугают в последнее время, он будет качественно иным и не похожим ни на итальянский, ни на франкистский, ни на германский.

О богоизбранности и Боге

Несмотря на достаточно гордое, а где-то — даже кичливое, ощущение своей богоизбранности («единственно правые и славные» или, в другой — более верной, но менее доступной для массового сознания интерпретации — «единственно правильно славящие Бога»), типично российское отношение к Богу достаточно специфично. Во многих случаях (на уровне обыденного массового сознания) Бог воспринимается как некий «член семьи», с которым («в сердцах») можно и повздорить, а затем, (по-родственному) расцеловавшись (с иконой), получить прощение. Этим, конечно, не исчерпывается типично русское отношение к Богу и типично русское понимание духовности и святости. В этой связи уместно напомнить известный тезис Константина Леонтьева, что русский может быть святым, но никогда — честным; отметить, что нигде в мире, за редким исключением, нет такого (все попополняющегося) количества святых, нигде больше не встречается такая феноменология как «старчество» (святой человек, которому как бы «передавались» грехи и «перепоручалось» их замаливание перед Богом, в то время как «очистившийся» таким специфическим образом возвращался к своим обычным занятиям и... грехам); и т.д.

Сама идея святости в российской ментальности приобретает качественно иные характеристики: святость России не в святости ее пути, а в бесконечном почитании своих святых и самой святости, как высшего, и потому — исходно недостижимого состояния или идеала. Запад также почитает своих святых, но высшие духовные ценности связываются там с идеалами познания и справедливости, чести и честности. У нас же эти архетипы принципиально иные: свят не человек, а святая сама земля русская, поэтому человек не идет (да, в общем-то, в рамках

образом, мы становимся людьми в высоком смысле этого слова не столько благодаря, сколько вопреки нашей природе, и это гораздо больше возвышает Человека, чем уже упомянутый паранаучный тезис о его природной моральности.